

Юлику Крелину, на прощание

**ХИРУРГ И ПИСАТЕЛЬ,
ОН ЯВИЛ ОБРАЗЕЦ ТИХОГО МУЖЕСТВА ЖИТЬ:
НИКОГО НЕ ОБРЕМЕНЯЛ, СРАЖАЛСЯ
В ОДИНОЧКУ, ШУТИЛ ДО ПОСЛЕДНЕГО МИГА**

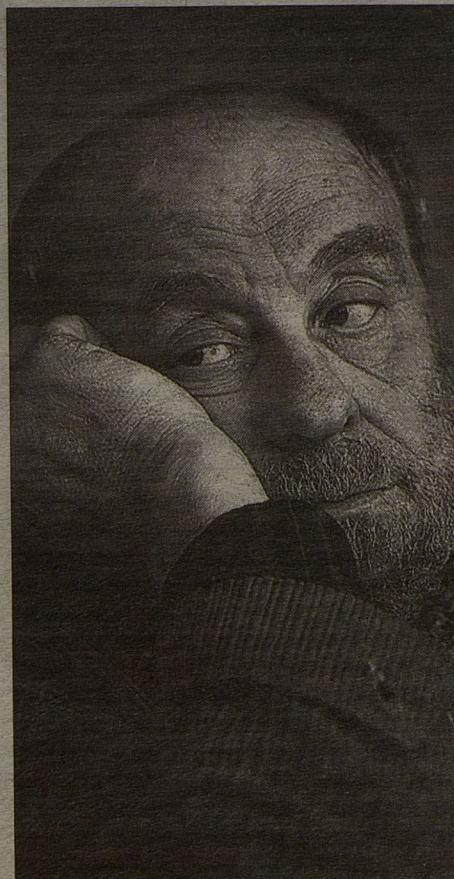
ПАМЯТЬ

Юлий Ким

«Алло! Юлик? Это Юлик», — так мы с ним обычно перезванивались.

О писателе Крелине я узнал давно. Его первые литературные опыты сразу всем бросились в глаза тогда еще, в 60-е годы: лаконичный язык, динамичный диалог, острый глаз и абсолютное знание предмета. Доктор, рассказывающий о буднях советской больницы безо всяких прикрас и какого бы то ни было пафоса. Глубину бесхитростному рассказу придавала, собственно, профессия рассказчика и его героя: хирургия. То есть постоянное пребывание между жизнью и смертью. Постоянная ответственность, высочайшая. Для хирурга, может быть, рутина. Для писателя — литература.

Потом уже жизнь и общие знакомства свели нас с Крелиным довольно близко. Он всю мою округу перелечил. Обследовал, оперировал, консультировал, в том числе немало наших славных диссидентов, не боясь навлечь на себя гнев начальства. А там и я загремел к нему со своим инфарктом. Он был совершенно безотказен по части медицинской помощи. Даже если дело касалось отдаленных знакомых его знако-

мых. Даже если это был случай, не имеющий отношения к хирургии.

При этом сам он был оперирован много-кратно. Живого места не было на нем. То аневризма, то почки. И вот опять аневризма. В Израиле посмотрели его досье, сказали: это оперируется либо в Германии (в каком-то институте), либо в США, в Хьюстоне, больше нигде.

Он говорил мне об этом накануне отъезда в Израиль, где как раз ждали его хьюстонские хирурги для окончательного решения. «Вряд ли они пойдут на операцию, — говорил он, — мой случай почти безнадежный. Да и возраст — все-таки 77 лет, не хрен собачий. А аневризма моя в этот раз особенно тяжелая. Дамоклов меч, в любую секунду ниточка может оборваться. Так что, скорее всего, не станут они рисковать».

Это говорилось совершенно безмятежно, попыхивая трубкой с этим его любимым вкуснейшим табаком. Да я вообще не помню его сколько-нибудь «мятежным», раздраженным, гневным — не видел никогда. Печальным — да, но и в печали был он светел. Кроме себя никого своими печалями не грузил. Хотя после того, как пережил он свою жену, Лиду, бывало ему одиноко чрезвычайно.

Ну вот. Попыхивая трубкой с любимейшим табаком, вышел он на воздух покурить, присел в кресло — и не встал. Ниточка оборвалась. Смерть праведника, как кто-то сказал. Отпала проблема для хьюстонских врачей. Не стало Юлика, нашего доктора.

Все его последние книжки — только о любви. Прежние тоже о любви — но и о дружбе, о медицине, об Израиле. А в конце — только о любви. Потому что оказалось — самое главное. Любить и быть любимым, необходимое

условие существования души, а после Лиды — не хватало ему, так не хватало! Призыв и нетерпеливая, юношеская жажда отклика звучат в порывистой, взволнованной речи его семидесятилетнего героя, ни грана его обычной благожелательной безмятежности.

Впрочем, и в прежних книгах ее нет, все они в той или иной степени исповедальны. Он непрерывно задает вопросы и перебирает варианты ответов и не всегда выбирает один окончательный, а так, без ответа, и оставляет. Потому что никогда на роль учителя не претендует, как и положено художнику.

«Душа в заветной лире» надолго переживет его прах. Еще поминая Булата, заметил я, как Пушкин в «Памятнике» отнесся и к нему, нашему великому барду:

«...чувствия добрые он лирой пробуждал...
...милость к падшим призывал...»

Это и к Юлику тоже: и к его книгам, и к его участию в Комиссии по помилованию, вместе с Булатом.

Кто-то сравнил его с Чеховым: врач-литератор, гуманист, русский интеллигент. Разница: Юлик был практикующим врачом до конца дней и легче прощал людям их несответствие идеалу.

Перефразируя Бродского — из любимых моих, навсегда ушедших, можно составить город. Из неушедших — тоже. Однако первый город скоро будет побольше второго, за счет которого он пополняется. И с каждым уходом кого-то из нас все больше чувствуется значительность, обаяние и красота нашего племени, Города Шестидесятников, и его нерасторжимая кровная связь со всем нашим настоящим и будущим.

Алло, Юлик? Это Юлик.

23 мая 2006 г.

Крелин
26.05.2006
11